

НАРОДНАЯ МОНАРХИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НА УРАЛЕ (XVIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Общественно-политическое сознание народа формировалось под воздействием его экономического положения, образа жизни, социально-политического статуса, политики государства в отношении народных масс. Естественно, народное мировоззрение испытывало сильнейшее влияние со стороны господствовавшей в обществе официальной идеологии, однако оно не являлось простой репликацией с последней, но, напротив, обладало существенной "народной" спецификой. Необходимо указать и на то, что мировоззрение активно влияло на позиции самих народных масс, их образ действий, их отношения с государством и администрацией. Важнейшим компонентом общественно-политического сознания являлись представления об институте царской власти и о взаимоотношениях между государем и обществом, народный вариант которых можно определить как народную монархическую концепцию.

Народный монархизм в XVIII — первой половине XIX в. несет на себе оттенок патернализма. Государь в фольклоре — высший покровитель и благодетель, отец всех подданных, всех православных. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие эпитеты: "батюшка", "наш отец", "отец общий", "наш батюшка восударь", "батюшка православный царь, всей Россиюшки самодержец", "белый царь"¹. Идеальный государь — непременно самодержец. В связи с этим показательно осуждение политического режима Швеции периода Северной войны, недостаточное абсолютистского с точки зрения казаков, высказанное в одном из преданий уральцев, кстати, наиболее вольнолюбивых представителей уральского казачества. Казаки рассказывали, что положение шведов под Полтавой в 1709 г. было более выгодным в сравнении с положением русских. Тем не менее шведский король пожелал решить судьбу сражения схваткой богатырей ("поединчиков"). Казаки объясняли это следующим образом: "Король шведский, изволишь ли знать, изверился у своих енаралов (генералов — И.П.) и думчих сенаторов. Когда он собирался под Полтаву, они не хотели давать ему ни армии, ни пушек, ни казны. Такой, вишь, обычай в неверных землях: там, говорят, цари то служат зауряд (т.е. исполняют обязанности — И.П.), словно офицеры в башкирском войске. Поди, да и пойми их там: народ дикий, несуразный...". Королю — повествовало далее предание — все же удалось убедить сенаторов выделить ему армию, но с условием не вступать в сражение с Петром I, а решать его исход поединком силачей. Таким образом, шведский государь, по мысли казаков, был существенно ограничен в своих действиях, не был самодержцем, что расценивалось уральцами как нонсенс².

Народное сознание подчеркивало благочестие царя, его вероисповедный идентитет: "православный царь", "благочестивый", "благоверный царь". Более того, народное сознание сакрализовало монарха: "Ты, батюшка, земной Бог"³. Политические и культурно-семиотические предпосылки сакрализации монарха в России рассмотрены в исследовании В.М. Живова и Б.А. Успенского, которые выделили ряд тенденций. Во-первых, это перенесение на московского царя функций византийского василевса с последующей

византизацией русской государственной и церковной жизни. Во-вторых, это усвоение царем функций главы церкви, начиная с царствования Петра I. В-третьих, это прочтение новых (барочных) текстов носителями традиционного (народного) культурного языка⁴.

Показательно, что бог и царь постоянно сопрягались в фольклорных текстах, а качества, которыми народ наделял того и другого, зачастую были синонимичными: "Богу воля, царю власть", "Есть воля божья и твоя царева", "Бог не без милости, а царь не без жалости", "Велик бог милостью, а государь жалостью", "Воля Божья, а суд царев", "Все во власти Божией да государевой", "Все Божье да государево. У Бога да у царя всего много", "Милует Бог, а жалует царь". Бог милостив, но монарху тоже присуща эта характеристика: "Милосердный государь" или "милосердная государыня".

Государю присущи качества, которые не свойственны обычным людям. В фигуре монарха концентрированно выражается мощь всего государства, поэтому он обладает "великой силой". Именно благодаря этой "восударевой великой силе", а также "божьей милости", утверждали рассказчики "Сказки о Наполеоне", записанной в 1848 г. в Верхотурском уезде, народ живет спокойно⁵.

Слово, сказанное царем, — закон и подлежит обязательному и немедленному исполнению ("царское слово — закон", "воля царя — закон"). Поэтому "у государя... не так, как у нашего брата (крестьян — И.П.), — о чём скажет, то и готово"⁶. Царская воля легко вершит волшебные метаморфозы: рядовой превращается в генерала, крестьянский сын женится на царской дочери.

Государь стоит выше закона, потому что он сам творит законы; царю никто не смеет указывать. Об этом характерном царском свойстве рассказывала известному собирателю казачьего фольклора И.И.Железнову 100-летняя уральская казачка Анисья Васильевна Невзорова (старица Августа): "Теперича возьмите в толк вот еще что: ведь цари-то не как простые люди, цари не связаны никаким законом, цари сами закон... Кто им смеет указывать?" В силу этого царь может поступать волюнтаристски ("может проявить и свою моду"). Петр I, по мнению уральских казаков, "проявил моду", женившись на "иностранной": "до него цари наши брали себе в супруги из расейских боярышень". "Моду проявил" и "Петр III" — Пугачев, женившийся на простой казачке У.П.Кузнецовой — "потому волен был"⁷.

Царская воля ограничена лишь словом, данным самим царем. Старый уральский казак И.М.Бакиров сообщал об этой особенности царской власти И.И.Железнову: "Сам знаешь наши уставы: коль скоро кто из владык земных откажется от царства и даст в том на себя запись, тот век-повеки должен оставаться без царства, по той самой причине, что царское слово свято, во веки веков нерушимо, не нами узаконено"⁸.

Крестьянство, горнозаводские рабочие, казачество полагались на справедливость государя, связывали с его именем осуществление своих сокровенных надежд: "Ах ты свет наш, надежда", "Наша надежда православный царь", "милостивейший", "милосердный государь", "государыня всемилостивейшая". Описывая крестьянство Шадринского уезда, священник Т.Успенский отмечал: "С полной уверенностью полагаются они на его (царя — И.П.) защиту и отеческую любовь к ним. Грозит ли мужику даже наказание за

какой-нибудь проступок пред Законом, он утешает себя словами: "Батюшка наш Царь простит нас слепых людей и помилует". Замирает ли у него сердце от страха, при каком-нибудь грозном явлении природы, вместе с глубоким вздохом, вы, наверное, услышите: "Что-то теперь у нашего царя-Батюшки дается?"⁹. Представления о защитнике народных интересов распространялись не только на царя, но и на других представителей династического дома. Так, в 1837 г. Уральское казачье войско обращалось к наследнику престола великому князю Александру Николаевичу со следующими словами: "Вашему Императорскому Высочеству Александру Николаевичу Всещедрому и благому защитителю... Можем ли мы, несчастные и вернейшие рабы Вашего Высочества, прибегнуть под Высочайший прокров Ваш и просить от Вас защиты и милости..."¹⁰. Фольклорные отношения государя и казаков — это патриархальные отношения "батюшки" и его "детей". Монарх печется о своих "детушках". Последние ценят "отеческую" заботу: "Спасибо те, батюшка, ты нас поил-кормил, // Ты поил-кормил нас, батюшка, берег-жаловал"; "Царь нас кормит, одевает, // Честь и лесть ему служить, // Он за храбрость награждает // Крестом славным на груди"; "И прислал он всем спасибо // И медаль дал всем войскам, // На край света мы итти готовы // За такую милость к нам"¹¹.

Народному монархизму была присуща черта, которая существенно отличала его от официальной идеологии. Это отделение царя от сановников, бюрократии, помещиков, заводовладельцев ("бояр и чиновников"), даже противопоставление их, и своеобразная идеализация монарха (полное отождествление собственных интересов с его интересами). Традиционно указанная особенность народного монархизма в советской литературе именовалась наивным монархизмом, хотя в действительности наивность подобного монархизма относительная; он имеет вполне реальные основания в определенной автономности самодержавия, способного и порой вынужденного действовать в интересах всего общества, а не только его верхних слоев. По народным представлениям между монархом и социальными низами имелось средостение — "злые бояре и воеводы", которые блокировали благие царские намерения, разрушали прямые и обратные связи между государем и народом. (Поэтому — "До бога высоко, до царя далеко"; "Жалует царь, да не жалует псарь"; "До неба высоко, до царя далеко"; "До неба умом не сягнешь, до царя рукою"; "Царю из-за тына не видать"; "Царю застят, народ напастят"; "Не ведает царь, что делает псарь"; "Царь гладит, а бояре скребут"; "Царские милости в боярское решето сеются"). Фольклорный государь нередко сетует по поводу своего "ближнего круга", недалекого и коррумпированного ("глупые воеводы"; "Ах глупые вы бояре, неразумные!"). Монарх живет в перманентной ситуации "боярских" заговоров, измен ("Все графы-генералы измену сделали, // Царски знамена врагу приклонились, // Российску армейшку во полон взяли").

На неправосудные — не по царским указам — действия властных структур постоянно жаловались приписные крестьяне, горнозаводские люди Урала. Так, вскоре после приписки к Авзяно-Петровским заводам (1750-е годы) среди крестьян приписанных селений Казанского уезда стали распространяться слухи, что их "приписали не по указу царского правительства, а по воле заводской

администрации". Слухи стали предметом обсуждения на совете крестьянских выборных, которые решили на завод не идти, а послать челобитную заводовладельцу графу П.И.Шувалову¹². В 1811 г. приписные крестьяне Нижне-Тагильских заводов жаловались в Пермское горное правление на незаконное употребление их в заводские работы: "В Нижне-Тагильском заводе все подобные нам приписные крестьяне употребляются не на тех самых правилах, какие изложены законами о приписных к заводам крестьянах, как простирается желание приказчиков, ибо мы мнительно полагали, что они нас употребляют на правах непрременных работников, однако ж сего нимало не касается, поелику сии предварительно получают из казны лошадей, упряжь, домообзаводство и даже фураж. Нам не только сего, даже и настоящей платы за работу не получаем и тем паче отягощены работами. Мы б не производили ропоту и жалоб, если б за работу была производима должная плата, с помощью которой не подвергалось бы и невинное наше семейство страданиям"¹³. Яркие обличения царящего в "присутственных местах" неправосудия сохранило прошение крестьян заводов Яковлева генерал-фельдмаршалу М.Б.Барклаю-де-Толли: "...О таком положении нашего гибельного и несносного состояния в забытом всеми краю света несчастной Сибири, где уже ни одного не могли упросить законной защиты на земле, и где еще будем искать, не упредя сим вашу светлость, о правосудии, коль скоро истина затмевается во всех присутственных местах здешней губернии, где бы кто осмелился прибегнуть, и со стороны нашей бедственной и печальной, оставленной без всякого обозрения, высших лиц части гражданской отданы в руки самой злой и ненавистой рода человеческого фортуны; кровавые реки текут от немилосердного терзания и наказания приказчиков; источники слез безвинности нашей увеличиваются от бича управляемого всеми заводами приказчика Григорья Зотова и подобных от него приставов"¹⁴.

Та же тема выступает лейтмотивом известного прошения мастерового Березовского завода Е.Т.Дюрягина императрице Марии Федоровне (1820 г.), составленного в стихотворной форме: "...в производстве Екатеринбургских промыслов, как в Березовском золотосодержащем заводе, так и по всем к оному принадлежащим заводам, правда из пределов оных изгната и обладает тронном справедливости — ненависть, мздоимство и лихоимство; и размножила свои завистные семена, так что по всем оным заводам началась война. Воскресных и срединедельных праздников не знаем, чрез то всевышнего творца и бога забываем; всемилостивейшая государыня матушка, нет законов государя нашего батюшки, потому что судии ведут дела не по указам, а поступают с нами от вышних чинов по приказам; ...мы присягою и символом служим для государя и бога, а ныне у нас размножилось светских судей власть многа; каждый принуждает себя хвалить и почитать, да не знаем, бедные, от кого милости ожидать; мы всякому хвалу поем и величаем, а какая от отца нашего бывает милость — никогда не получаем; к сокращению нас у нынешних судей избран закон, но не знаем, прежде был ли такой он; от их честолюбия зависит наше странство, отчего страждем и теряем свое постоянство"¹⁵.

Крестьяне полагали, что "злые" царские приближенные и местная администрация создают информационный барьер между монархом и народом: "Притеснители наши награбят, царя обманут, мир обернут и продадут, а солдатскими спинами оберегаются"; "Не подумают, окаянные, что мир и без того стоном-стонет от них и слезы лопатами сгребает, а царь-батюшка ничего не знает. Правду говорят, что до бога высоко, а до царя далеко!"; "Знаем и видим мы, батюшка, как вы нас ошипываете и разоряете до последней рубашки, а живете ведь тоже под царем и законом. Да знает ли только это царь-то. Так и в теперешнем деле царь обманут и законом обойден, а попы с писарями да господами хомутаются и над миром потешаются"; "Может, это делается тайно и без воли государя"; "Как это могло случиться без всякого предварительного царского повеления" (Из обвинений, брошенных участниками волнений 1842—1843 гг. в государственной деревне Урала представителям местной администрации и духовенства, которых считали виновными в передаче крестьян в удельное ведомство или помещику)¹⁶.

Казачество также считало, что царящее в повседневной жизни зло распространялось помимо высочайшей воли. Участники Яицкого восстания 1772 г. считали виновными во всем "господ генералитет, штаб- и обер-офицеров", а также атамана Тамбовцева и старшин, которые "несносным разорением" довели казаков до такой нищеты, что те уже оказались не в состоянии исполнять императорскую службу¹⁷.

В казачьем фольклоре монарх нередко окружен бездарными, невежественными, корыстолюбивыми "боярами", "сенаторами", "генералами", которые действуют "не по государственному", вопреки воле царя — и государь об этом не всегда ведает. Иван Грозный в конфиденциальной беседе с Ермаком жалуется на своих "глупых воевод", которые растеряли всю царскую рать. Вразрез с волей государя действует на Дону "разыщик" (следователь — И.П.) князь Долгоруков — виновник, по мнению казаков, восстания К.А.Булавина ("Как приехали к нам на тихий Дон все рассыльщики, // Во рассыльщиках были два боярина, // Без указа-то они государева нас разоряют. // Оттого-то наш славный тихий Дон возмутился"; "Ты разыщика прислал к нам Долгорукова. // Без указа государева он нас разорять нас стал..."; государевым указам противопоставляются незаконные указы князя Долгорукова — "скорописные все фальшивые", в указах тех написаны "слова облыжня"). В одной из песен уральских казаков "генералушки" отнимают у казаков волю неудачным приказом: "А генералушки приказ отдали, // От казаченек волю отняли: // "Вы не смейте-де за Урал ходить, // басурман громить". В результате "генеральского" приказа казаки оказались беззащитными перед степным натиском. Причем казаки были уверены, что "надежда православный царь" о том не ведает. Среди оренбургских казаков была распространена песня о том, как князь Иловайский (Каменцев) "во бильярд катал" и "пропил-прогулял весь наш славный тихий Дон". "Пропивши, промотавши", неверный царский слуга садится писать "фальшивые" указы: "Старых стариков во Кубань-реку бросать; // А девушек на фабричный двор брать, // А молодых ребят во солдаты брить".

В песнях о волнениях уральских казаков 1804 г. "батюшке, православному царю" противопоставляется злой "воеводушка", "допросчик" "Волконский- князь", действительно подавлявший казачий протест. Казак — "разудаленький добрый молодец" — не желает отвечать на вопросы "допросчика": "Не тебе, собаке, меня, молодца, спрашивать, // А не мне-то было тебе ответ держать!" Казак готов держать ответ лишь перед "белым царем". "Добрый молодец" предельно ясно формулирует обвинения "допросчику": "Разорил ты прежде войско Донское, // А другое войско Оренбургское, // Приехал ты к нам разорять в город, // Потревожил наших стариков старых".

Уральские предания о Хивинской экспедиции 1839—1840 гг. обвиняли ее организатора оренбургского генерал-губернатора "царского слугу" В.А.Перовского в неимоверном тщеславии и злоупотреблении своим служебным положением, за что пришлось расплачиваться уральцам. Казаки были уверены, что одной из причин похода на Хиву было желание Перовского прославиться, заслужить двойную фамилию (как Суворов-Рымникский, Дибич-Забалканский, Паскевич-Эриванский) и звание генералиссимуса ("генералмуса"). Уральцы понимали, что заслужить двойную фамилию — дело не простое: "с позволения сказать, не мутовку облизать: для этого нужно сделать такую отлику, которую не всякий сделает, которая бы всем кидалась в глаза". В качестве второй причины организации похода казаки называли стремление генерал-губернатора пристроить в дело свободный казачий полк. Дело в том, что после волнений 1837 г. казакам в наказание было велено сформировать вне очереди 4 полка для внешней службы. Уральцы выполнили требование, хотя и не считали его справедливым (согласно преданиям, в волнениях участвовала лишь небольшая группа казаков; Перовский, наложив на Уральское войско столь строгое наказание, превысил свои полномочия). Трём полкам удалось найти место службы, а 4-й оставался на Урале и беспокоил В.А.Перовского. Казаки по этому поводу говорили: "Меж нами будь сказано, если б в Питере до тонкости знали в ту пору об наших обстоятельствах, то-бы Перовскому никоим манером нельзя было отвертеться от строгого выговора за то..., что стребовать — стребовал с нас четыре полка, а работы им всем нет, — вот за что: Как бы там Василий Алексеевич ни был возвеличен и превознесен, однако, за такие порядки царь не стал бы гладить его по голове, а непременно сделал-бы ему строгий выговор, да не один-на-один, а при собранье всего енеральства и сенаторства". Итак, знакомая ситуация — царский администратор самоуправствует, а государь ничего об этом не знает¹⁸.

Естественным следствием веры в царскую справедливость и отсутствие такого же доверия со стороны народа к царским администраторам становилась квалификация неблагоприятных для социальных низов указов как "фальшивых", "немилостивых", "непрямых", сфабрикованных самой администрацией. "Фальшивыми" в народном представлении могли быть указы о приписке селений к заводам, об увеличении объема налогов и повинностей, о передаче государственных крестьян в частное владение и т.д.¹⁹

Опыт народных контактов с институтом официального правосудия воплотился в фольклоре: "Где суд, там и неправда"; "Шемякин суд, да на вощёных ногах"; "Закон, что дышло: куда повернешь,

туда и вышло"; "Законы святы, да исполнители супостаты"; "Закон — дышло: куда хочешь, туда и воротишь"; "Закон похож на паутину: маленькие мухи попадают, а большие пролетают"; "Что нам законы, коли судьи знакомы"; "Законы — миротворцы, да законники — крючкотворцы"; "Судья суди, а за судьей гляди, куда дело поведешь"; "Судья, что голодное брюхо, — молча просит"²⁰. В перечисленных поговорах и поговорках отразилось народное недоверие к хранителям и исполнителям законов, своеобразное прагматическое отношение к официальному праву.

Атмосфера административно-правового произвола порождала надежду на идеализированное вмешательство монарха — "эксцесс, приносящий торжество добру"²¹, — которое могло осуществляться в разнообразных формах: "милостивого указа" за личной подписью царя; вмешательства личного царского посланника ("ревизора", "следственника", "чиновника особых поручений"); непосредственного участия самого монарха или представителя царствующего дома в решении конфликта на месте.

"Милостивые царские указы" занимали особое место в народной монархической концепции, нередко использовались для оправдания протеста его участниками. При этом в качестве "милостивых указов" могли выступать реальные указы, подвергнутые утонченной интерпретации; подложные указы; пожелания социальных низов, приписанные ими царской воле (подобная приписка могла осуществляться вполне искренне, настолько велика была в народе вера в царя, в его неподдельную заботу о народном благе).

Слухи о "милостивых указах" и сами эти "милостивые указы" активно циркулировали в приписной деревне в ходе волнений 1750 — 1760-х гг. Крестьяне отказывались подчиняться властям и выходить на заводские работы, "докудова ис правительствующего сената за собственной Ея Императорского Величества рукою указа не будет". "Мы взять себя не дадимся без имянного Ея Величества указа", — заявлял усмирителям от имени крестьян Авзяно-Петровского завода выборный Краснов. На одном из "советов" крестьяне Барневской слободы приняли твердое решение: "до изследования в обидах демидовских прикащиков ево (совета — И.П.) дела, хотя и высылать кто их станет и всех до смерти побьют, в заводские работы нейти, покуда за собственною Ея Императорского Величества рукою указа не будет". Уверенные в своей правоте крестьянские челобитчики писали из Петербурга в с. Котловку (приписана к Авзяно-Петровским заводам) землякам: "Что нас от заводу отрешили по приказу Его императорского величества, и вы об оном молитесь всещедрому Богу, а нас ожидайте быть вскоре со всяким благополучием, понеже наше дело решено; токмо ожидаем милостивого указа". Наконец, в ходе неповиновения появлялись сами "милостивые указы" — зачастую официальные, но подвергнутые своеобразной крестьянской интерпретации. Большой популярностью как среди приписных, так и среди крестьян духовных вотчин пользовался сенатский указ от 12 октября 1760 г. об увеличении оброчного сбора на 60 коп. В нём имелась частная фраза: "...что более никаких без указу доходов, подвод и работ с них не должно требовать и собирать", — которая возводилась крестьянами в принцип, оправдывавший протест и нежелание вообще выполнять повинности.

В обстановке протеста распространялись фантастические слухи о вообще несуществующих указах, появлялись подложные указы. Так, крестьяне Масленского острога заявляли: "Дал нам ныне Бог указ, чтоб в заводские работы не идти; теперь пускай идут хоть три полка, — не испугаемся". На какой-то указ ссылались в ноябре 1764 г. приписные крестьяне Казанского уезда, считавшие, что они не должны работать на заводах более 36 дней. Жители Гороблагодатских заводов были уверены, что в соответствии с "милостивым указом" "казенные заводы будут постановлены на пять лет, а на партикулярных заводах крестьянам работать не велено, а компанейщикам работы производит велено волными людьми". В ходе волнений на Камских заводах появился и собственно подложный манифест от 7 июля 1762 г. Сочинителем документа оказался дьячок с. Красная Горка Свяжского Богородского монастыря Иван Козьмин. В "манифесте" после слов о восшествии на престол императрицы говорилось: "Которые в прежних годах отданы были во владение собственные Е.И.В. крестьяне архиереям и по разным монастырям, и которые подписаны под заводы к разным компанейщикам для заводских работ, таковым отнюдь в оных заводах не работать, и от тех заводов отменить, как Осокина, так Демидова и Петра Шувалова, и быть по прежнему ясачными". "Манифест", распространяясь по селениям приписных крестьян, поднимал их на борьбу²². В начале 1776 г. среди крестьян, приписанных к демидовским заводам (Авзяно-Петровский, Каслинский), распространялись слухи о "милостивом указе", который освобождал крестьян от заводской повинности и определял их на линию в казаки. Заводовладелец Е. Демидов, якобы в соответствии с тем же указом, уже взят под караул, закован в кандалы и отправлен к графу П.И.Панину в Казань под следствие²³.

Серьезным фактором в волнениях приписных крестьян Камышловского, Екатеринбургского, Шадринского уездов против выхода на заводские работы в 1812 г. выступали слухи о "милостивом указе", избавлявшем якобы крестьян от заводской повинности. Так, говорили, что прислан "в Шадринске высочайший указ с золотой строкою, которым все приписные крестьяне от заводских работ освобождены, а если кто из них будет работать, те вечно останутся при заводах"²⁴.

Мятежные настроения крестьян Камышловского уезда в период массовых волнений 1842 г. подогревал слух о получении от государя указа — "убивать писарей и священников за продажу народа, что за это никакого ответа не будет"²⁵.

Отношение казаков к "милостивому указу" сродни крестьянскому. Целая легенда о царской "владенной грамоте" на р. Яик сформировалась среди яицких казаков. В записанном И.И.Железновым предании "Три Ивана" легендарный царь жалует казаков за их героические подвиги р. Яик, "с вершин до устьев, с рыбными ловлями, санными покосами и лесными порубами". Ко времени Петра I, сообщает другое уральское предание "Рыжечка", "владена" утерялась. Поэтому очередной герой-казак просит царя подтвердить прежние права и привилегии. Петр I жалует казаков "владеной", в которой не только подтверждает прежние права, но и дополняет их важным для казаков правом свободно исповедовать старую веру и носить бороду ("Для кого нет, а для

яицких казаков есть! Секлетарь, пиши во владеной, что я жалую яицких казаков крестом и бороною на веки вечные, чтоб им насчет креста и бороды быть невредимыми"). Когда в 1874 г. в Уральском войске было введено новое Положение, существенно изменившее порядок службы, среди казаков начались массовые волнения. Протест подогревался толками о "владеной" грамоте на р. Яик, которая якобы не сгорела, "а что она была спасена во время пожара дьяконом Архангело-Михайловского собора, где будто она хранилась; что этот дьякон, умирая, передал ее другому, обязав под клятвкою не казать никому, кроме самого государя, и притом непосредственно; что "владенная" эта хранится в особом чугунном футляре, зарытом в землю и т.п.". Казаки надеялись, что если "владенная" попадет государю, то все новации — незаконные, по их мнению, — будут отменены. Мечты казаков, однако, не сбылись; волнения были подавлены, а виновные — более 2 тыс. казаков с семьями — отправлены на поселение в Туркестанский край²⁶.

В 1719 г. яицкие челобитчики — Ф.Рукавишников, Т.Новиков, М.Коловертинцев — волновали казачество заявлением о том, что царь из своих уст приказал им опять принимать людей "всяких чинов, кто чей и откуда бы ни был". Разглашение это в действительности противоречило правительственному курсу на ужесточение сыска беглых в пределах всего государства²⁷. В 1771 г. яицкие казаки отказались выполнять предписание Военной коллегии о выступлении в поход против калмыков, бежавших с Волги в Китай. При этом казаки оправдывались ссылками на копию с именного указа 7 декабря 1770 г. В оригинале указа содержалось прощение казаков за прежние их "дерзновения" и освобождение от обязанности служить в "Потемкинском легионе" ("увольняем их вовсе от легионной команды, куда их и впредь не наряжать"). В копии с указа оригинальный текст подвергся фальсификации ("увольняем их вовсе от легионной команды, никуда их и впредь не наряжать"), дававшей казакам "моральный" повод вообще отказаться от несения службы государству²⁸.

Восставшие в 1772 г. яицкие казаки оправдывали свой протест ссылками на якобы существовавший старинный царский указ, который обеспечивал право казаков на самоуправление и повелевал, "чтоб никогда в их Яицком городке не только генералов, но и шляпы салдатской не было". Кроме того, среди уральцев ходили слухи о мифическом указе императрицы, "якобы уже третий год вооруженною рукою поступать им велено"²⁹. Таким образом, сами участники восстания 1772 г. склонны были рассматривать свой протест как выполнение высочайшей воли.

В 1820 г. казаки упраздненной Красноуфимской станицы в составе 300 домохозяйств были переведены в Ново-Илецкий район. Переселение на неосвоенные земли вызвало большое недовольство среди казаков, которые начали волноваться. Протесту способствовало распространение "милостивого указа" — копии с несуществовавшего отношения начальника главного штаба генерал-адъютанта Дибича об оставлении казаков Красноуфимской станицы на прежнем месте жительства. Только после наказания 4 распространителей подложной бумаги неповиновение было прекращено³⁰.

В 1859 г. в Оренбургском и Уральском казачьих войсках распространялась молва о "милостивом" царском указе на имя

управлявшего Астраханской губернией, в котором декларировалась отмена преследований староверов, освобождение осужденных старообрядцев, свобода в исполнении обрядов. Слухи способствовали брожению среди казаков, стимулировали переход приверженцев официального православия и единоверцев в староверие³¹.

Определенные надежды народ возлагал на верных царских слуг. Так, в 1721 г. Яицкое войско, жалуясь на взяточничество и произвол царских следователей, просило государя "послать для подлинного розыску к ним на Яик от своей пресветлой державы из правоверных и праводушных рабов своих, кроме Казанских офицеров, розыскать"³². В челобитной Яицкого войска от 15 января 1772 г. содержалась просьба вывести войско из ведения Военной коллегии, которая напрасно притесняет казаков, и отдать их "под дирекцию одной персоны, их сиятельству графам Григорью Григорьевичу или Ивану Григорьевичу Орловым и во всем оставить на прежнем основании так, как и наперед сего предки наши состояли, в силу имянного блаженного и вечныя славы достойные памяти государя императора Петра Великого указа, под дирекцию господина генерал-фельдмаршала и кавалера графа Бориса Петровича Шереметева, а не от Военной коллегии"³³. Казачьи станицы, посещавшие Петербург, знали братьев Орловых, относились к ним с симпатией и связывали с их именами надежды на справедливое решение наболевших вопросов.

Критические социальные ситуации культивировали в народе надежды на прибытие справедливых царских агентов. Так, в 1840-е годы имели место волнения, вызванные переводом в соответствие с Положением 12 декабря 1840 г. в состав Оренбургского казачьего войска крестьян Челябинского, Троицкого, Оренбургского уездов. Новообращенные "казаки" не пожелали мириться с изменением своего образа жизни и даже решились на открытый протест. Расширению конфликта способствовали слухи, "что господин сенатор Пещуров и Его Императорского Величества флигель-адъютант прибыли в Оренбург будто бы с указом объявить им, что они не поступают в казаки"³⁴.

В 1765 г. в качестве самозванного "сенатского фурьера М.Ресцова" выступил исетский казак Ф.И.Каменщиков-Слудников, который использовал народные ожидания прибытия царского ревизора для организации волнений среди приписных крестьян Масленского острога и Барневской слободы³⁵.

В феврале 1851 г. полиция задержала в с. Табынском Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии уволенного от службы коллежского секретаря Петровского (из дворян), принимавшего ранее участие в составлении ревизских сказок в юртах 8 башкирского кантона. В течение января-февраля 1851 г. Петровский в сопровождении бывшего сельского писаря Е.Кроткова разъезжал по государственным селениям Стерлитамакского уезда, чаще всего оставаясь в с. Табынском, и называл себя "чиновником особых поручений по двум губерниям", "членом", присланным для обревизования волостных и сельских расправ. Стараясь облечь себя "какою то таинственностью", Петровский рассказывал крестьянам разные небылицы о себе: что он "без ног, перьев и крыльев"; "что он, чиновник, был в Сибири и в Петербурге и хотя находится в одной избе с телятами и овцами, но если захочет, то наденет на себя другую одежду и потребует казенную квартиру"; "что

хотя он, чиновник, прислан из Петербурга для обревизования волостных и сельских расправ, но все поступающие к нему просьбы удовлетворяет без малейшего задержания". Также крестьянам дестигрировались черновые ревизские сказки, которые Петровский хранил в специальном ящичке. Крестьяне с полным доверием отнесли к миссии Петровского и начали обращаться к "ходатаю за крестьян" с просьбами. Даже сельский старшина Васильев (с. Табынское) подозревал в Петровском "фискала" и поил его у себя дома вином. Петровский же за небольшую мзду принимал от крестьян ходатайства по земельным спорам, по вопросам о причислении в сельские общества, по налогам и повинностям и немедленно — без соблюдения инстанций — писал прошения прямо на имя министра государственных имуществ. Даже после задержания Петровского крестьяне — "по простоте своей", как писал стерлитамакский земский исправник, — продолжали верить в то, что Петровский действительно "чиновник особых поручений" и старались скрывать его действия от полиции³⁶.

В ходе т.н. "трезвенного движения" 1859 г. в Белебеевском уезде Оренбургской губернии появился какой-то человек, который называл себя чиновником, "командированным от Высшего правительства для изничтожения существующих в Российской империи питейных домов"³⁷.

Однако дело не ограничивалось только самозванчеством "ревизоров". Народная монархическая концепция не исключала возможность непосредственного участия монарха в разрешении конфликта на месте, высочайшей ревизии любого уголка империи. Встречи с царем — "избавителем" в качестве отдельных мотивов включались в сюжетную схему социально-утопической легенды о возвращающихся "избавителях", проанализированной в классическом исследовании К.В.Чистова³⁸.

В 1765 г. среди исетских казаков распространялись слухи о тайных ночных приездах с ревизорскими целями в Троицкую крепость императора "Петра III" совместно с бывшим оренбургским губернатором Д.В.Волковым³⁹. Не единичны слухи о прибытии монарха для наказания нечестных, коррумпированных администраторов. Во время волнений государственных крестьян Кунгурского уезда в 1835 г., возникших в связи с распространением слуха о передаче казенных хлебопашцев в удел, участники протеста говорили, что "государь император скоро сюда будет для казни чиновников, волостных голов, писарей и тех, кои исполняют волю правительства, за то, что принудили их чрез посредство военной команды выбрать пятисотенных старост для сбора податей", что "ожидают прибытия государя императора или великого князя", что "для встречи государя императора велено народу собираться на гору за городом Кунгуром, а если народ не встретит царя, то будет худо"⁴⁰.

После подавления волнений государственных крестьян Челябинского уезда (1843 г.) среди крестьян стали распространяться толки о скором приезде в Оренбургскую губернию кого-либо из членов императорской фамилии. Бывшие участники протеста решили подать царственной персоне жалобу на действия губернской администрации во время усмирения протеста и описание убытков, понесенных крестьянами от экзекуционных команд. В течение 1844 — весны 1845 гг. в селениях собирались сходки, участники

которых составляли приговоры по указанным вопросам. В апреле 1845 г. крестьян еще более взбудоражил слух о том, что "царевич Константин Павлович находится в живых, что он стоит с войском за линией, скоро придет к ним решить дело и истребить волостных начальников, а равно и крестьян, не участвовавших в возмущении 1843 г." Проведенное следствие определило виновных: в сборе сходок по поводу составления приговоров о понесенных в ходе волнений 1843 г. убытках (крестьяне Ф.И.Варлаков, В.Маторин); в составлении приговоров и других бумаг (крестьяне Ф.Г.Кайгородов, И.Мезенцев, О.Томилов, И.Усыпин, Г.Усыпин); в хранении приговоров и бумаг (А.Варлаков, К.Варлаков, В.Кувандин); в сборе приговоров по деревням (Л.Дерибин)⁴¹.

Примерно через десятилетие среди крестьян того же Челябинского уезда вновь стали ходить слухи о прибытии представителя царской фамилии. Распространителем их стал бывший участник волнений 1843—1845 гг. крестьянин с. Щучьего Воскресенской волости Козьма Иванов сын Варлаков, который утверждал, что у него в доме находился "сын какого-то царя, обещавший приехать к нему во второй раз в первый день праздника Святой Пасхи с двумя товарищами, и что они уже послали пригласить к себе к первому числу наступающего мая сосланного за бывшие между челябинскими крестьянами в 1843 году беспорядки в каторжную работу бывшего государственного крестьянина того же уезда Воскресенской волости деревни Березомызской Ивана Федорова Фадюшина, прозванного Люсым, по прибытии которого народ узнает, чему должно быть". В дополнение К.Варлаков сообщал, что государственные крестьяне избавлены по высочайшему повелению от платежа податей, поскольку последние внесены за них каким-то московским купцом за три года вперед; поэтому произведенный за первую половину 1856 г. сбор податей незаконный — и деньги поступили не в казну, а в пользу начальников. Разглашения К.Варлакова произвели впечатление лишь на его брата Афанасия и на крестьянина В.Госькова, которые отказались вносить государственные подати, оказывали неповиновение сельскому старшине и пытались пропагандировать заявления К.Варлакова среди однообщественников. Проводившие следствие по данному делу адъютант при оренбургском жандармском штаб-офицере и чиновник особых поручений при оренбургском гражданском губернаторе добились от К.Варлакова более детальных показаний. Крестьянин — "в продолжительной беседе" — рассказал, что "нынешней зимой приезжал к нему на 13 часов на одной лошади, а к отъезду добыл откуда-то другую, сын первого царя, наружность которого описать он не хотел" и отзывается, что имени его не знает, но догадывается, что это Соломон. Про самого "первого царя" Варлаков однажды выразился, что он — "от света свет, другого имя ему нет". Царевич же, — продолжал свой рассказ крестьянин, — которого он может видеть "от света разума", обещался посетить Варлакова с двумя неизвестными спутниками "1-го числа, что по предложению его значит в 1-й день пасхи; но за заключением его незадолго до пасхи под стражу сии путешественники во второй раз не застали уже его дома". По мнению К.Варлакова, целью поездки "царского сына" было "освободить и водворить на прежнее место жительства сосланного в каторжную работу за бывшие между крестьянами в 1843 году беспорядки Ивана Федорова Фадюшина в уважение

поданной им обще с Варлаковым просьбы первому Царю". Царевич, как утверждал Варлаков, обещал "что в скором времени все будут жить в полном согласии и благополучии и, во исполнение пророчества, 3-й гильдии купец, по имени неизвестный, оставив у себя в наличности только 11 руб. сер., внес за весь уезд подушныя за 3-и преходящая года, а значит ли это время прошедшее или будущее, того не пояснил, но прибавил, что теперь требовать с крестьян деньги воспрещено, а предоставлены им добровольныя пожертвования на возобновление Иерусалима". Что же касается уже собранных незаконно податей за первое полугодие, то "царский сын", по уверению Варлакова, обещал "разыскать" сам по возвращении его из с. Воскресенского, где он должен чинить "всякой суд".

Чиновники решили, что К.Варлаков сумасшедший, а его показания лишены "не только логического здравого смысла, но нередко даже грамматической связи" и исполнены мистики. Распространитель "нелепых толков" был отправлен в Уфу для освидетельствования его умственных способностей, а дело прекращено⁴². Тем не менее, даже если допустить психическую ненормальность К.Варлакова, его история представляет интерес как попытка самостоятельного осмысления и развития народной монархической версии.

Циркуляция социально-утопической легенды о возвращающихся "избавителях" в народной среде создавала благоприятную почву для появления царственных самозванцев. Случай "Петра III"—Пугачева наиболее показателен. Восстание, им возглавленное, вовлекло в свой оборот около 3 млн. человек на территории примерно 600 тыс. кв. км. Активное участие в нем приняли яцкие казаки, горнозаводские рабочие и приписные крестьяне, нерусское население Урала. Поражение восстания и казнь Е.И.Пугачева не сразу прекратили распространение слухов о "Петре III", в том числе и на Урале.

В конце 1775 г. тобольский купец Дмитрий Посников, возвращаясь из Верхне-Уральской крепости домой, разговорился с проводником челябинским казаком Герасимом Филипповым сыном Завьяловым. Последний спрашивал купца о том, как он крестится. Посников крестился двумя перстами, по-старообрядчески. Обрадованный казак сказал, что "он, Посников, их христианин", и после этого рассказал следующее: "что бывшей самозванец злодей Пугачев был посланником от государя Петра Третьяго, а сам государь Петр Третий находился у Теплаго моря, да и ныне при нем войска двенадцать тысяч донских казаков, да двенадцать тысяч ис калмыков и других людей, с которым пошел ныне к Петербургу, а вскоре и ко Оренбургу будет или пришет от себя кого другаго". Г.Завьялов уверял купца, что известие о "Петре III" недавно привез какой-то "курьер". Как заметил Посников, казак вел разговоры о "Петре III" на ночлегах и с другими людьми. Купца же Г.Завьялов однажды спросил о количестве воинских сил, размещенных в Тобольске и в крепостях по линии. Вернувшись в Тобольск, испуганный Посников рассказал все сибирскому губернатору Д.И.Чичерину. Началось следствие. Г.Завьялов на допросе признался в сделанных разглашениях и сообщил, что слышал о "Петре III" еще летом 1775 г. в Челябинске от стоявшего у него на квартире капрала из команды генерал-майора А.Скалона — И.С.Павловского. Причем, как рассказывал казак, Павловский

разглашал при солдатах, не скрываясь. Завьялов упомянул и то, что, по уверению И.Павловского, капрал "самово Государя Петра Третьяго действительно знает и ставал многократно у него во дворце в карауле, и что тот Государь Петр Третий действительно жив". Допрошенный в Омской крепости И.С.Павловский, однако, отрицал все предъявленные ему обвинения. Казака Г.Завьялова наказали "нещадно" плетью за сделанные разглашения и отослали снова для прохождения казачьей службы⁴³.

Весной 1776 г. рядовой пограничного Озерного батальона Анисим Колесников, командированный по служебной надобности из Златоустовской крепости в Екатеринбург, заехал по пути в родное селение — Щелкунскую слободу Екатеринбургского ведомства — повидать жену и детей. На вопросы крестьян о Е.И.Пугачеве — "подлинно ли он сказнен и не будет ли им льготы в податях, наипаче ж избавления от заводов?" — выпивший солдат отвечал, что Пугачев действительно казнен в Москве, но он, Колесников, слышал разговоры в "подлом народе" о том, что "на место Пугачева есть другой — Максим Железо или Железников, стоит у Чернова моря с немалым числом партии, а, дождавшись травы, намеряется итти на Российское государство, называя себя также, как и Пугачев". Кроме того, А.Колесников сообщал крестьянам и то, что "Железо" якобы "писал к Государыне все свои на теле знаки и еще к генералу, а к кому — и сам не знает и не слышал, с устрашиванием напоминая, что прежде табакиркой лоб ему прошиб, почему он, Железо, и признан подлинным Государем". Полк, отправленный против "Железа", рассказывал Колесников, последний "утопил под лдом, да и еще два или три полка послано — неизвестно, што с ними сделал". Свою речь А.Колесников торжественно завершал тем, что когда "тот Железо вступит в Россию, то, конечно, разоренные их крестьянские дома в прошдшее замешательство воинскою командою (ибо жители той слободы бунтовали) велит построить новые"⁴⁴. Версия, рассказанная А.Колесниковым, также непосредственно связана с социально-утопической легендой о "избавителе" "Петра III", хотя в ней в качестве главного героя выступает заместитель "Петра" — "Железо" (прототипом которому, как известно, послужил руководитель гайдамацкого движения "Колиивщины" на Украине Максим Железняк).

В 1776 же году слухи о "Петре III" получили распространение на Преображенском медеплавильном заводе Я.Твердышева среди посессионных крестьян. Федор Кривенков и Юда Калбанов рассказывали, что "по поимке де известнаго злодея Пугачева привезен тот злодей в Синбирск к генерал аншефу Панину, которой де ево, Пугачева, признав за государя, отпустил; а по приезде из Синбирска в Москву помянутого генерал аншефа Панина за то, что он привезеннаго под именем злодея отпустил, изрубили" господа Нарышкин, Салтыков и Шереметев; "Его высочество Государь великий князь Павел Петрович немалое время пропадал, но после де в Петербурге явился; а в Москву де привезен и казнен Пугачев и ныне де в Москву проезду нет; и господина де их жена выехала из Оренбурга, да и сам де господин немедленно бежит и намерены спастся в городе Казане". Правда, на допросах крестьяне не подтвердили факта указанных разглашений. Ю.Калбанов признался лишь в том, что во время транспортировки заводских припасов из Оренбурга на Преображенский завод возле

Сакмарского городка встретились с попутчиками-казаками, которые говорили, что "прежде при государыне были первыми и в славе Чернышев и Орловы генералы, а ныне де уже Панины, Нарышкин и двое Шереметевы". А.Ф.Кривенков на допросе сообщил, что Ю.Калбанов по приезду из Оренбургу говорил ему: "что прежде господа их Шереметевы, от коих де они Твердышеву проданы, служили блаженные и вечной славы достойныя памяти великому государю императору Петру Алексеевичу, а ныне де из их же рода двоя служат государю и великому князю Павлу Петровичу, и еще де с ними ж Нарышкин и Панин, а генералов де Орловых не слышать"⁴⁵.

Летом того же года на Преображенском заводе вновь был зафиксирован случай распространения слухов о "Петре III"— Пугачеве крестьянином П.И.Юриным, который рассказывал, "что якобы Емелка Пугачев жив и с яицкими казаками и киргизцами идет от Яицкого городка к Оренбургу, о чем де услышав, господин наш Яков Борисович (Я.Твердышев — И.П.) и забрав з заводов серебряные денги уехал в Синбирск". На допросе Юрин утверждал, что слышал о самозванце от крестьян (Г.М.Гусев, И.Ф.Мыногин) и проходивших через завод солдат⁴⁶.

Примерно через три года — весной 1779-го — высшая администрация Оренбургской и Тобольской губерний была обеспокоена известием о крупномасштабном разглашении о "Петре III". Источником информации на сей раз явился мещанин г. Тюмени с. Каменского дер. Размазиной Иван Павлов сын Соколов, который переполошил чиновников сообщением об активной циркуляции слухов о царях-"избавителях" в селениях и заводах Урала и Зауралья. Как рассказывал на допросе И.П.Соколов, в начале декабря 1778 г. он отлучился без письменного разрешения из своего жительства для сбора долгов с крестьян Екатеринбургского ведомства (Красномыльская и Крутихинская слободы). Посетив должников, кредитор в начале 1779 г. отправился на Златоустовский (Костурский) завод, где в течение месяца работал по вольному найму "у возки кирпича и руды", а затем решил вернуться домой. По словам И.Соколова, его желание уволиться вызвало недовольство заводского приказчика И.Ф.Костылева, который якобы приказал сечь вольнонаемного работника плетью, а затем на неделю посадил Соколова "на цепь". Достоверно неизвестно, свобода ли отношений капиталистического найма или нечто более серьезное вызвали столь суровую реакцию приказчика И.Ф.Костылева (кстати, впоследствии Исетская провинциальная канцелярия не обнаружила на теле Соколова следов экзекуции) — только в это время на тюменского мещанина стали поступать доносы по поводу сделанных им "политических" разглашений (крестьянин Егошихинского завода Яков; крепостные заводладельца Лугинина заводские служители К.Кошкин и С.Оверин). 24 марта 1779 г. Соколов был допрошен в заводской конторе. Ведшие допрос приказчики И.Костылев и И.Костромин и сержант В.Табуев стали свидетелями ошеломительного рассказа. Оказалось, что И.П.Соколов пришел на Златоустовский завод "от собранных ево единомышленников разколников одного города Тюмени из деревни Зырянской, а имянно: Алексея Прохорова, Потапа Крутикова, Тимофея и Алексея Черных, Максима Чуглина с сыном Захаром и протчих для следующего разглашения по всем жителям, где кто принять согласитца,

объявляя и уверяя скрытным образом, что покойной государь Петр Федорович жив и находится с собранным своим войском за большим Доном подле Черного моря, и с ним во обществе сосланной до сего на белыя воды "4-х" летней всылку первого императора сын Петр Петрович, да из воинов Слудников и прозываемой Метла; и стараятца взотти в Россию и, усилясь по толкованию их шайки, дать престол Петру Петровичу; и уже баталия с регулярным войском у него была, и он де до сорока тысяч оного войска побил; да много де крымских татар отложилось к Петру Федоровичу; и, конечно де, сего году, по толкованию их шайки, Петр Федорович свое желаемое получит и Петра Петровича на царство определит, а Павлу Петровичу не быть в управлении России". Далее, Соколов сообщил, что "из оной же их шайки окол сенокоса, или прежде, посланы были в войско Петра Федоровича шартажские жители два человека под видом купцов, а о имени знать не имеет, потому что он при отправлении тех посланных тогда не был, да с ними ж из вышеписанных Алексей Прохоров Бологов; и в армии были — и, возвратясь, объявили, что точно там Петр Федорович и Петр Петрович, токмо де до лиц их не допущены". "И идя... по жителствам, — продолжал рассказывать на допросе тюменский мещанин, — тихим и келейным образом многим людям и здесь при заводе жителям человекам трем о сем доказывал и уверял с тем, что молитесь богу — будет во всем свобода; и на то ответствовали з желанием: "Дай Бог радость!" И.П.Соколов, очевидно, сам искренне верил в свой рассказ и надеялся на скорое наступление "свободы", потому что даже допрашивавшему его приказчику Ивану Костромину заявил: "хотя де и меня не будет, а увидите, что сего году все сие точно збудетца"⁴⁷. 31 марта на допросе в Исетской провинциальной канцелярии И.Соколов дезавуировал часть своих предшествовавших показаний: о выполнении секретного задания раскольников из дер. Зырянской по подготовке общественного мнения к прибытию царей "избавителей"; о поездке 2-х шартажских жителей в "армию" "Петра Федоровича" и "Петра Петровича", — объяснив это пристрастием следователей в Златоустовской заводской конторе ("показал, не стерпя истязания от прикащика Костылева напрасно"). Однако разглашение слуха "одному ягошихинскому крестьянину" о пребывании армии "избавителей" у Черного моря было Соколовым признано и повторено почти дословно. В связи с этим вряд ли есть основание обвинять канцеляристов, записывавших показания обвиняемого в служебной неаккуратности, которая могла бы стать причиной сумбурной передачи рассказа Соколова. Единственное серьезное противоречие (возможно, следствие оговорки самого И.Соколова, а не невнимательности чиновников) между показаниями 24 и 31 марта — это перемена местами "Петра Федоровича" и "Петра Петровича": в допросе 31 марта "Петр Петрович" одержит победу и отдаст престол "Петру Федоровичу" ("конечно де, сего году Петр Петрович желаемое получит и Петра Федоровича на царство определит, а Павлу Петровичу не быть на престоле, а будет де при Петре Федоровиче великим князем")⁴⁸. Однако во время того же допроса (31 марта) Соколов сообщил и то, что в феврале 1779 г., находясь в рабочей избе на речке Кувашах, он, Соколов, говорил заводскому служителю Кошкину, "что сменит Государыню Нашу Петр Петрович"⁴⁹.

Дальнейшие показания тюменского мещанина (31 же марта) во многом объясняют противоречивость и сумбурность толков, которые он распространял. "Картина" борьбы "избавителей", нарисованная И.Соколовым, очевидно, формировалась на протяжении нескольких лет на основании различных источников, которые он механически соединял (пожалуй, будет верно сказать, что И.Соколов механически соединял различные версии социально-утопической легенды, поэтому в его многофигурной композиции оказались объединенными и "Петр Петрович", и "Петр Федорович", и "Павел Петрович"). Перечислим теперь источники, упомянутые И.Соколовым:

1) "Отставной солдат" из Троицкой крепости, который привозил в "домовой отпуск" в Крутихинскую слободу уроженца этой слободы "солдата Вахова". "Отставной солдат", по словам Соколова, рассказывал следующее: "что Петр Федорович жив и находится с собранным своим войском за болшим Доном подле Черного моря, да и прозываемой из воинов Метла — уже баталия с регулярным войском у него была, и он де множество войска побил, да и много де крымских татар отложилось к Петру Федоровичу, и с ним сообщился Павел Петрович". Как видим, в данном фрагменте отсутствует вообще "Петр Петрович"; а версия прекрасно согласуется с вариантами легенды о "Петре III" постпугачевского периода. "Отставной же солдат", объяснил Соколов, получает известия через письма от своего сына, "находящагося в далных местах в службе": "Ты, батюшка, не тужи, хотя бы ты был в нещастии, толко молись богу". "Отставного солдата", а также "солдата Вахова", по уверению Соколова, должен был знать "солдат Пахов", отбывавший отпуск в Крутихинской слободе в то же самое время. Сразу же заметим, что, как сообщила позже Троицкая дистанционная комендантская канцелярия, ни "Вахов", ни "Пахов" службу на дистанции не проходили. А солдат И.Казанцов (Троицкий батальон) и драгун Арзамасцов, отпущенные в ноябре 1778 г. из Троицка в Крутихинскую слободу для покупки хлеба, отрицали знакомство с И.Соколовым.

2) Г. Тюмени с. Каменского мещанин Петр Лушников, по словам И.Соколова, неоднократно "в разные времена" ("да и с тем, что де то в каких то их книгах значитца") рассказывал Соколову следующий, вероятно, контаминированный из различных легендарных версий сюжет: "А во обществе с Петром Федоровичем сосланной на белые воды четырех летней в сылку перваго Императора сын Петр Петрович; и будет де престол ему, Петру Петровичу; и, конечно, сего года Петр Петрович желаемое получит и Петра Федоровича на царство определит; а Павлу Петровичу не быть на престоле и будет де при Петре Федоровиче великим князем". П.Лушникову, по словам Соколова, растолковал это сын священника из с. Каменского — Ивана Архимандритова.

3) Г.Тюмени дер. Дубровиной крестьянин Никон Сердцов — "назат тому другой год" — в лесу около дер. Макуй (Каменского села г. Туринска) при сидении дегтя пересказывал Соколову версию Лушникова же. Сердцов же усвоил историю Лушникова во время рыбного промысла на Каранинском озере в "промышленной рыболовной избе", где Лушников обратился первоначально к собравшимся (Сердцов, а также ямщики дер. Дубровиной Гаврило, Андрей и Василий Мелких) с вопросом: "что есть ли де у нас в Тюмене

о Петре Петровиче присяга", — после чего последовал лужицкий рассказ о "Петре Петровиче" и его компаньонах.

4) Тюменского ведомства с. Каменского дер. Кулиги крестьянин Дмитрий Уткин — "назат тому года с два" — рассказывал Соколову, что "будто б точно Петр Федорович жив". Сам же Уткин, отмечал Соколов, слышал о том от крестьянина дер. Зырянской Тюменского ведомства Потапа Крутикова, который прежде того вызывался за разглашение непристойностей в Тобольск.

5) Житель Златоустовского завода Степан Оверин (или Аверин) в конце февраля 1779 г. якобы внушал Соколову, что "хотя де и сказывают, что известной злодей Пугачев истреблен, то в самом деле Пугачев извержен, а Петр Федорович точно в сей шайке, а он Пугачев под именем ево был, а Петр Федорович ушел на Черное море за большой Дон и обещался он согласить к поражению России разных владельцев". Оверину, по словам Соколова, все это рассказал плывший вместе с ним из Астрахани человек, который называл себя "якоб афицером, бывшим с Петром Федоровичем в прошедшем замешательстве, а потому уверял, что точно при том замешательстве предводителем был не Пугачев, а Петр Федорович".

6) Крестьянин дер. Поперечной Беляковской слободы — "ростом средней", "борода русая, средняя продолговатая" — (следствие установило вскоре, что это Ф.Н.Ласкин, крестьянин дер. Комаровой Краснослободского ведомства Беляковской слободы, записной раскольник) по дороге на ярмарку в Усть-Ницинскую слободу (к празднику чудотворца Николая — 9 мая 1778 г.) останавливался на ночлег в дер. Старицы Краснослободского ведомства, где вместе с И.Соколовым принимал участие в помочах у местного крестьянина. Как уверял Соколов, крестьянин Беляковской слободы рассказал, "что де точно в нынешнем году окончится и Петр Федорович на царство будет; оное с своими товарищами разтолковали из своих книг".

7) Крестьянин Теченской слободы Исетской провинции, у которого Соколов останавливался на ночлег неделю спустя Крещения (следствие установило имя крестьянина — М.Ф.Томин из государственной Кошкульской деревни), рассказывал тюменскому мещанину, что "якоб покойной Государь Петр Федорович подлинно жив, а ему де сказывал и уверял стоящей у него на квартире здешней провинции иноверческого народа ахун, ехавши в ярмонку Долматовскую к Васильеву дни"⁶⁰.

Мартемьян Томин — единственный из оговоренных Соколовым, кто подтвердил его показания. На допросе в Исетской провинциальной канцелярии он признался, что на вопрос И.Соколова — "якоб Петр Федорович жив?", — он, Томин, отвечал утвердительно: "что точно жив и будет в замешательство". Более того, Томин уточнил, что ранее у него останавливался старшина служилых мещеряков А.Муслюмов, который однажды — "когда на небесах было знамение", — объяснил Томину, что "де будет замешательство и Петр Федорович жив".

Ф.Н.Ласкин признался только в том, что вместе с "тюменцем" (который "всем тут бывшим рассказывал сказки") принимал участие в помочах, но сам ничего о "Петре III" не рассказывал. Правда, в помочах участвовал человек, бывший во время "замешательства" казаком Краснослободского ведомства (выписным казаком — И.П.), который что-то вспоминал о бунте, но, как уверял Ласкин, во

время этих рассказов он — Ласкин — при всех заявил, "есть ли де впредь Пугачев — то де уже бежать надобно, а не здаватца".

Остальные — старшина А.Муслюмов, П.Лушников, сын священника Архимандритова Иван, А.П.Бологов, крестьяне Н.Сердцов, Д.Уткин, П.Крутиков, Тимофей и Алексей Черных, Максим и Захар Чуглины — напрочь отрицали обвинения, возведенные против них на основании показаний И.Соколова. Опросив в течение апреля-мая всех прикосновенных к делу И.Соколова лиц и убедившись, что на сей раз слухи об "избавителях" мятежа не вызвали, власти, очевидно, решили замять историю, сделать вид, что "мещанин Соколов всему толь важному непристойному разглашению, ис чего легко бы мог произотти неистовый мятеж, причина и пасквилант сам, а не перенявший то злое вымышление от кого другаго". В итоге Соколову было учинено наказание плетью на Златоустовском заводе и в дер. Кошкульской, после чего его отпустили на прежнее место жительства. Тем не менее (даже если И.Соколов не всегда называл имена тех, кто действительно сообщал ему "политическую" информацию), весь материал следствия свидетельствует, что разглашение тюменского мещана формировалось из различных источников, а в головах крестьян, мещан, заводских рабочих Урала и Зауралья — даже спустя несколько лет после Пугачевщины — теснились смутные "политические" идеи, отличные от официального эталона, и связанные с ними не менее смутные надежды⁵¹.

Последняя предреформенная легенда — о "избавителе" царевиче Константине — также вызвала появление самозванцев, в том числе и на Урале. В 1840-е гг. (после 1842) был зафиксирован случай самозванчества на территории Уральского казачьего войска, не вызвавший, впрочем, никакого отклика в "народе". Рано утром 22 марта (точный год неизвестен) отставной казак Л.Коптелов выехал из Уральска на реку за льдом. По пути ему встретился незнакомый человек, по виду отставной солдат. Последний попросил Коптелова довести его до Трекина хутора. На вопрос казака, кто он такой, незнакомец ответил, "что до звания ему нет дела, но что он в Уральске занимался открытием злоупотреблений и теперь идет в Оренбург, и что оттуда 4 числа предстоящего апреля возвратится в Уральск; постоянная же его квартира в Санкт-Петербурге". Приехав на реку, Коптелов принялся накладывать лед. Вскоре незнакомец подошел вновь и сообщил, что он — "великий князь Константин Павлович". На этот раз "великому князю" удалось уговорить казака довести его до Трекина хутора, однако, проехав версты 3, самозванец вылез из саней и пошел далее пешком, велел Коптелову возвращаться в Уральск и передать поклон известному ему с хорошей стороны отставному казачьему полковнику И.Бородину. Коптелов рассказал все о "Константине Павловиче" Бородину — и полиция вскоре задержала по приметам, сообщенным казаком, подходившего уже к Гниловскому форпосту человека. Последний назвался отставным унтер-офицером Екатеринославского кирасирского полка Д.Наумовым. Наумов вследствие крайней бедности вынужден был кормиться подаяннем, за этим он и приезжал в Уральск. Обвинения Коптелова в самозванчестве он отрицал. Впрочем, как он признавался, утром 22 марта он был сильно пьян (чего, с другой стороны, не заметил Коптелов) и поэтому

не все помнил. Все же, по мнению Наумова, за великого князя он себя не выдавал. А впечатление, сложившееся у казака, Наумов объяснял тем, что тот его неправильно понял. Дескать, после жалоб Коптелова на собственное тоже не слишком счастливое существование Наумов, сочувствуя казаку, сказал: "Что делать! Мы не цари и не великие князья, сделать ничего не в силах". Чем завершилось дело — неизвестно⁵².

Следующий случай самозванчества нашел определенный социальный отклик. В статье уже отмечалось распространение в 1845 г. в Челябинском уезде слухов об "избавителе" "великом князе Константине Павловиче". В атмосфере этих слухов самозванец и объявился. "Цесаревич" был принимаем в крестьянских селениях. В других селениях крестьяне устраивали сходки, на которых рассказывали о мнимом "великом князе" и записывались к нему "в подданство". В самозванчестве был обвинен ссыльнопоселенец К.Калугин, который, так и не сознавшись, умер до окончания следствия. В приеме самозванца и в связях с ним обвинялись крестьяне казенной деревни Гороховой Т. Горохов (умер до окончания следствия), И.Д.Клюкин и крепостные помещика Качки Л.Ковалев, Д.Ковалев, В.Шумин, Е.Екимов, которые ни в чем не сознались. Тем не менее, по решению Сената над помещичьими крестьянами был учрежден строгий надзор и они были оставлены под подозрением. А.Г.Черепанов и И.Д.Клюкин были оставлены в сильном подозрении за сбор сходок, подговор записаться в подданство "цесаревичу", сбор денег на угощение его и содержание его "войска" (хотя крестьяне вины своей не признали). 6 крестьян, изъявивших желание записаться в подданство самозванцу, были приговорены к наказанию плетью по 20 ударов каждому и к ссылке на поселение в Сибирь. Наконец, 7 было приговорено к 6-месячному тюремному заключению за распространение "нелепых толков" о "Константине Павловиче"⁵³.

Таким образом, даже идеологический протест, несогласие с социальным и политическим порядком в XVIII — первой половине XIX в. обычно излагались в "монархической" терминологии.

В целом в системе патриархальных отношений между монархом и народом естественно выглядела верность и покорность последнего своему "батюшке", самоотверженная готовность отдать свои жизни за государя. "Мы не из интереса служим, — заявлял Петру I фольклорный персонаж яицкий атаман "Прохор Митрич", — мы, как есть рабы твои верные, готовы за тебя кровь проливать до последней капельки...". "Для батюшки-царя мы готовы отдать последнюю рубаху с плеч", — признавался И.И.Железнову уральский казак И.Н.Чакрыгин⁵⁴. Та же самая позиция характерна и для крестьянства, которое даже в моменты острого непокорства местным властям заявляло о своей верности монарху. Во время массовых волнений 1842—1843 гг. государственные крестьяне давали клятву "стоять за бога, за великого государя, друг за друга до последней капли крови", "служить Богу и великому государю, без кафтанов и жалованья". В с. Бруснятском Екатеринбургского ведомства крестьяне объявили увещателям — екатеринбургскому земскому исправнику и чиновникам министерства государственных имуществ, — "за царя готовы головы свои положить, как за Высокого своего покровителя, а к помещикам и в удел поступать не согласны"⁵⁵.

На фоне глубокой народной лояльности по отношению к монархии все же обнаруживались иногда определенные тормоза верноподданнических чувств. Для казаков, например, это были казачьи обычаи, "обыкновение", которые казаки бережно хранили, посягательства на которые вызывало их неодобрительный ропот и даже упреки в адрес монарха. Традиционализм был особенно прочен среди уральских казаков-старобрядцев. Даже в середине XIX в. уральцы признавались, что они готовы отдать все государю, "лишь бы только не воротили нас на солдатский шкиль, да не нудили насчет креста и бороды"⁶⁶. Собственно антимонархические высказывания располагались в достаточно широком диапазоне от довольно безобидной брани в адрес монарха, произнесенной сгоряча, нередко в пьяном виде, до вполне осознанных антимонархических концепций, имевших хождение преимущественно в радикальных толках старообрядчества (антимонархическая антихристология). Однако даже антимонархизм староверов, как и "наивный монархизм" приверженцев царей-"избавителей", был направлен скорее против конкретных государей, а не против монархической идеи как таковой⁶⁷.

В целом же народным идеалом государственного устройства в XVIII — первой половине XIX вв. являлось самодержавие. Народная монархическая концепция конкретизировалась в сакрализации государя, царственном патернализме по отношению к социальным низам отождествлении интересов монарха с интересами народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Великорусские сказки Пермской губернии. Сб. Д.К.Зеленина. М., 1991. С. 292-296, 331-346, 346-354; Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. М., 1985. Т. 1. С. 170-174; 1986. Т. II. С. 5-7; 205-207, 207-208, 282; 1986. Т. III. С. 158-159; Исторические песни XVIII века. Л., 1971. С. 73, 86-87, 89, 104-105, 120, 135, 141-143, 150, 154-155, 222-223, 228, 229, 231-232, 244, 254, 256-257, 259, 287; Исторические песни XIX века. Л., 1973. С. 31, 38-41, 52-53, 86-88, 123, 128; Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1904. Т. I: Песни исторические. С. 11, 65, 105, 121, 148. Там же, 1910. Т. IV: Песни обрядовые. Духовные стихи. Апокрифы. Заговоры. Очерки обрядов. С. 305; Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910. Т. III. С. 30, 272; Сборник уральских казачьих песен. Собр. Н.Г.Мякушин. СПб., 1890. С. 74; Пословицы русского народа. Сб. В.Даля в трех томах. М., 1993. Т. I. С. 468-472; Витевский В. Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив. 1879. Кн. 1. С. 414-415; Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья: XVIII — первая половина XIX в. М., 1991. С. 93, 95-98.

² Железнов И.И. Уральцы... С. 22-23.

³ См.: Исторические песни XVIII века... С. 104, 135, 154-155, 242, 242; Исторические песни XIX века... С. 38-41 и др.

⁴ Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47-153.

⁵ Великорусские сказки... С. 295-296.

⁶ Там же. С. 294; Народные русские сказки А.Н.Афанасьева... Т. 1. С. 170.

⁷ Железнов И.И. Уральцы... С. 154, 177-178.

⁸ Там же. С. 165.

⁹ Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сб. М., 1859. Кн. 1, разд. 4. С. 15-16. Также см.: Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII века (К вопросу о формировании пролетариата в России). М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 192-263.

¹⁰ Железнов И.И. Уральцы... Т. 1. С. 363-364.

¹¹ Исторические песни XVIII века... С. 86, 87.

¹² Орлов А.С. Волнения на Урале... С. 68.

¹³ Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1955. Т. 1. Ч. 1. С. 304.

¹⁴ Там же. С. 469-470.

¹⁵ Там же. С. 521.

¹⁶ Зырянов А.Н. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 году //

- Древняя и новая Россия. 1879. Т. 15. С. 243, 291, 299; Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг.: Сб. док. М., 1961. С. 482, 487; Колюпанов П. Камышловское дело // Вестн. Европы. 1870. Октябрь. С. 608; Побережников И.В. "Картофельные бунты" (1842) государственных крестьян Екатеринбургского уезда // Методика и опыт изучения сельских поселений Урала. Екатеринбург, 1993. С. 17; ГАСО (Госархив Свердловской области). Ф. 477. Оп. 1. Д. 2. Л. 158 об.
- 17 Волнения на Яике перед Пугачевским бунтом // Памятники новой русской истории. СПб., 1872. Т. II. С. 288.
- 18 Железнов И.И. Уралыцы... Т. III. С. 85-90.
- 19 См.: Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII вв.). Свердловск, 1976. С. 130-132; Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. II. С. 232; Орлов А.С. Волнения на Урале... С. 94.
- 20 Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936. С. 11, 19; Сборник пословиц и поговорок, записанных в Камышловском уезде В.Г.Олесовым, Екатеринбург, 1884. С. 193, 214; Пословицы русского народа... С. 473-474; Миненко Н.А. Фольклор и этические традиции русских крестьян Сибири (по материалам XVIII в. — 60-х гг. XIX в.) // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 63.
- 21 Лотман Ю.М., Успенский Б.А. К семиотической типологии русской культуры XVIII в. // Материалы научной конференции (1973). Художественная культура XVIII в. М., 1974. С. 271.
- 22 Побережников И.В. Крестьянское правосознание и волнения на Урале в середине XVIII в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 121, 123, 125; РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3558. Л. 392 об.
- 23 Пихоя Р.Г. Общественно-политическая... С. 162-163.
- 24 ГАСО. Ф. 24. Оп. 24. Д. 8125. Л. 66-66 об.; Рабочее движение в России... С. 330-331, 343.
- 25 Колюпанов Н. Камышловское дело... С. 617.
- 26 Витевский В. Яицкое войско... С. 414-417; Короленко В.Г. Собр. соч. в 6 томах. М., 1971. Т. 5. С. 368.
- 27 Витевский В. Яицкое войско... С. 410.
- 28 Витевский В. Яицкое войско... // Русский архив. 1879. Кн. 3. С. 392, 300-400, 447.
- 29 Рознер И.Г. Яик перед бурей. М., 1966. С. 122; Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. 1. С. 514.
- 30 Авдеев П.И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904. С. 52-53; Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки. Оренбург, 1881. С. 175.
- 31 Побережников И.В. Подложные указы и протест казаков-старообрядцев Южного Урала в середине XIX в. // Казаки Урала и Сибири в XVII—XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 112-116.
- 32 Витевский В. Яицкое войско... // Русский архив. 1879. Кн. 1. С. 417.
- 33 Волнения на Яике... С. 288; Анучин Д. Происшествие на Яике в 1772 году // Современник. 1862. Т. XCII. № 3-4. С. 596, 604.
- 34 ГАОО (Госархив Оренбургской области). Ф. 6. Оп. 11. Д. 748. Л. 1-1 об., 95.
- 35 Дело о самозванце Ф.И.Каменщикове-Слудникове. Екатеринбург, 1992.
- 36 ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 18. Л. 1-14 об.
- 37 Сафонов Д.А. Социально-политические воззрения крестьянства Южного Урала в середине XIX века. Оренбург, 1993. С. 37.
- 38 См.: Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967. С. 24-236.
- 39 Дело о самозванце... С. 12-14.
- 40 Крестьянское движение... С. 269, 665.
- 41 ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 296. Л. 1-11 об.; также см.: Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды... С. 209-210.
- 42 ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 77. Л. 1-17; также см.: Линков Я.И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825-1861 гг. М., 1952. С. 164-165; Сафонов Д.А. Социально-политические... С. 35.
- 43 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 158. Л. 3-15 об.; Рязанов А.Ф. Отголоски Пугачевского восстания на Урале, в Киргиз-кайсацкой малой орде и в Поволжье (По материалам Центархива КССР) // Труды общества изучения Казахстана (Киргизского края). Оренбург, 1925. Т. 6. С. 207-212.
- 44 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 161. Л. 1-14 об.; Рязанов А.Ф. Отголоски Пугачевского восстания... С. 202-204; Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. С. 240-246.
- 45 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 160. Л. 2-19; Рязанов А.Ф. Отголоски Пугачевского восстания... С. 198-201.

- 46 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 162. Л. 2-9; Рязанов А.Ф. Отголоски Пугачевского восстания... С. 201-202.
- 47 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 188. Л. 7-7 об.
- 48 Там же. Л. 3-3 об.
- 49 Там же. Л. 3 об.
- 50 Там же. Л. 4-6.
- 51 Там же. Л. 1-41 об.; также см.: Рязанов А.Ф. Отголоски Пугачевского восстания... С. 205-207; Покровский Н.Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII - середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 49, 70-71; Побережников И.В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 1989. С. 91-92, 98-99.
- 52 Витевский В. Попытка самозванства в XIX веке (солдат Данила Наумов — вел. кн. Константин Павлович) // Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 483-486.
- 53 ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 296. Л. 13-21 об.; также см.: Чистов К.В. Русские народные социально-утопические... С. 209-211; Покровский Н.Н. Обзор сведений... С. 73; Казоханин М. Самозванец Калугин // Исторический вестник. 1914. Т. 136. С. 167-173; Серeda Н.А. Позднейшая волнения в Оренбургском крае. Исторический рассказ. II. Самозванец 1845-го года // Вестник Европы. 1868. Т. 4. Кн. 8. С. 631-638.
- 54 Железнов И.И. Уральцы... С. 11, 32, 89.
- 55 Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 485; Побережников И.В. "Картофельные бунты"... С. 16; ГАСО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- 56 Железнов И.И. Уральцы... С. 32.
- 57 Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; Он же. Биография оренбургского казака. Статья 1 // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 103-130; Он же. Биография оренбургского казака. Статья 2 // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 135-163.

PEOPLE'S MONARCHY CONCEPTION IN THE URALS (THE 18th — THE 1ST HALF OF THE 19th CENTURY)

Based on folk-lore and documentary sources, the article gives the analysis of people's idea (peasantry, mining workers, the Cossacks) of the tsarist power institution and relations between the Tsar and society in the 18th — the 1st half of the 19th century. In author's view the basic elements of people's monarchy conception were 1) sacralization of the monarch; 2) tsarist paternalism (an image of the Tsar as "a dear father", who takes paternal care of his subjects — "dear children"; 3) identification of the monarch's interests with people's ones in contrast with the interests of bureaucracy, landowners and worksowners. The belief in tsar's justice and distrust towards power structures increased the hope for the Tsar's participation in solving local conflicts in a form of issuing "kind" decrees, sending tsarist "inspectors" or personal interference of the monarch.

I.V. Pobereznikov

Н.А. Миненко

ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ К МЕСТНОЙ БЮРОКРАТИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Государственные крестьяне на Урале и в Западной Сибири в первой половине XIX в. составляли подавляющее большинство сельского населения. К востоку от Урала, помимо государственных крестьян, была лишь небольшая группа частновладельческих: к